

ПОИСКИ ФАКТЫ ГИПОТЕЗЫ

В. И. Жельвис

ЧЕЛОВЕК И СОБАКА (ВОСПРИЯТИЕ СОБАКИ В РАЗНЫХ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЯХ)

Роль собаки в истории человеческого общества слишком хорошо известна и достаточно изучена, однако для носителей европейской этнической традиции небезынтересно узнать, что «статус» собаки у разных народов далеко не одинаков. Изучение в историческом плане отношения к собаке в человеческом обществе позволяет пролить свет на целый ряд этнографических, психологических и лингвистических проблем и может стать стимулом для дальнейших исследований, в частности, в такой новой и бурно развивающейся области, как этнолингвистика. Представляется, что подобные изыскания могли бы содействовать дальнейшему плодотворному сотрудничеству этнографов и лингвистов.

Прежде всего отметим, что дружественные взаимоотношения человека и собаки, характерные для традиции европейского типа, которые, на первый взгляд, представляются очевидными и повсеместными, на самом деле в разных этнических традициях поразительно по своему разнообразию. Особенно ярко это проявляется при рассмотрении вопроса в историческом ракурсе. Приведем только несколько примеров. Уважительное, а порой и сакрализованное отношение к собаке было характерно для многих древних культур и традиций. Известны даже самостоятельные религиозные «собачьи культы». В «Авесте», священной книге зороастризма, говорится: «Человека можно познать, познав разум собаки»¹. В Грузии сохранились развалины храма, посвященного собаке, с фресками и барельефами, воспроизводящими образ этого животного. Изображения крылатых собак найдены на территории Абхазии. Имеются упоминания о культе собаки в Ассирии. Самой высокой жертвой богу войны в Спарте считалась собака. Она могла быть и сюжетом религиозной клятвы. В ряде стран бытовали и поддерживались религии требования относиться к собаке — особенно собаке-пастуху — как к *человеку*, наиболее почитаемому в данном обществе. Разведение и содержание одной из декоративных пород собак — пекинесов — считалось исключительной привилегией китайского императорского двора. Нарушителей этого правила карали смертью². Культ пекинесов в Китае достиг своего апогея, когда один из них был объявлен перевоплотившимся Буддой и ему оказывались высокие почести³. Сходная судьба и у другой декоративной породы собак — японского хина, который считался «любимцем богов» и столетиями разводился в храмах⁴.

Многие мифы прямо указывают на происхождение того или иного героя или целого народа от собаки. Назовем в связи с этим эскимосский миф, согласно которому сначала на земле существовали только эскимос-

¹ Bauer H. Seine Ahnen waren Wölfe. Lpz.: VEB F. A. Brockhaus Verl., 1957, S. 39.

² Op. cit., S. 67.

³ Новотны Н. Атлас пород собак. Прага: Гос. издат. сельхоз. литературы, 1967, с. 174.

⁴ Там же, с. 173.

сы, а другие народы появились от того, что одна эскимоска вступила в связь с собакой⁵. Племя лаланг на о. Ява полагает, что в доисторические времена некая принцесса сочеталась браком с собакой и от их союза родился сын, положивший начало этому племени⁶.

О сакрализованности собаки свидетельствует и то, что, например, эскимосы могут давать собакам имена своих предков и вернуть, что души предков воплощаются в собаках⁷. Собака является тотемным животным у множества племен и народностей. В большинстве стран на употребление в пищу собачьего мяса накладывается жесткое табу.

Однако вышеприведенным примерам противостоят примеры совершенно иного рода. В Талмуде о собаке говорится как о самом презренном существе, даже как о «враге человека»; там же есть указание, что в городах собак вообще не полагается кормить. Нечистым, «поганым» животным объявляет собаку и Коран. Древние вавилоняне считали, что в собак могут вселяться демоны, насылающие болезни. Людям советовали избегать уличных собак и носить амулеты, предохраняющие от переносимых собаками болезней⁸. В Ветхом Завете собаки слоняются по улицам, питаются падалью, могут пожирать трупы: «Также и о Иезавели сказал Господь: псы съедят Иезавель за стеной Изрееля» (3-я книга Царств, 21, 23). О «нечистоте» собаки особенно ярко свидетельствует следующий текст: «И будете у меня людьми святыми; и мяса, растерзанного зверем в поле, не ешьте; псам бросайте его» (Исход, 22, 31). В несколько более позднюю эпоху первые христиане считали, что гунн Атилла родился в результате преступной связи девушки с собакой. Оскорбительная речь у Овидия именуется *verba canina*, т. е. что-то вроде «собачий разговор». Ср. также цитату из Катуллы:

В час, когда воля народа свершится и дряхлый Коминий
Подлую кончит свою мерзостей полную жизнь,
Вырвут язык его гнусный, враждебный свободе и правде, (...)
Сердце собаки сожрут, волки сглодают нутро.

(Пер. Пиотровского А.)

Все это исторические примеры. Но и в настоящее время невозможно говорить о сколько-нибудь однородном взгляде различных народов на собаку. Представляется возможным выделить по меньшей мере три основные группы современных национально-этнических традиций, резко отличающихся по своему отношению к собаке. К первой группе можно отнести традицию, в соответствии с которой отношение к собаке хорошо выражено словами чехословацкого «Атласа пород собак»: «Собака — старейшее домашнее животное. Много тысячелетий тому назад она добровольно связала свою жизнь с человеком и с тех пор является его другом, помощником и защитником (курсив наш.—В. Ж.)»⁹. В этом же атласе можно прочесть такую, например, характеристику ньюфаундленда: «Благодаря своим замечательным свойствам — верности и отваге — он стал частым предметом восхищения многих художников и поэтов. Знаменитый английский художник Лэндзир изобразил на своей картине „Достойный член человеческого общества“ (курсив наш.—В. Ж.) белого с черными пятнами ньюфаундленда, спасающего из воды девочку. Картина эта распространялась в тысячах репродукций по всему миру»¹⁰. Как видим, такая характеристика ставит собаку рядом с человеком в самом буквальном смысле. Эта параллель усиливается за счет существования во многих странах собачьих парикмахерских, собачьих мясных лавок, специальных консервов для собак, магазинов, где продается только одежда для собак и даже драгоценные украшения для них

⁵ Bauer H. Op cit., S. 187.

⁶ Bettelheim B. The Uses of Enchantment. The Meaning and Importance of Fairy Tales. N. Y.: Vintage Books, 1977, p. 285.

⁷ Bauer H. Op. cit., S. 187.

⁸ Bauer H. Op. cit., S. 40, 41.

⁹ Новотны Н. Указ. раб., с. 6.

¹⁰ Там же, с. 78.

же. Умершим собакам ставятся памятники. В США расходы на собак ежегодно составляют 17 млрд. долларов. В некоторых семьях на содержание собаки тратится ежемесячно до 120 долларов, в то время как на ребенка — всего 70. Существует гостиница для собак стоимостью в миллион долларов и горный лагерь для отдыха собак¹¹. Нельзя, конечно, не учитывать, что подобное, подчас уродливое отношение к собакам, могло сложиться только в рамках капиталистического общества.

Туземцы Новой Гвинеи очень любят собак и постоянно носят их с собой на руках. В ряде стран не считается чем-то необычным зрелище женщины, кормящей грудью щенка. Соответствующие сцены видел известный мореплаватель Кук; аналогичное поведение описано этнографами в более поздние времена в Полинезии, на островах Новой Гвинеи, в Алжире, Тунисе и Бирме¹².

Вторая, противоположная этническая традиция бытует в ареалах, где, например, распространены собаки-парии, отщепенцы, не имеющие хозяина, но живущие вблизи человеческого жилья и питающиеся отходами человеческой кухни или падалью. В такой ситуации к собаке испытывают равнодушие или презрение. Наиболее характерны собаки-парии для Шри Ланка, Явы, Суматры, Сирии, Судана, стран в Верхнем течении Нила, Индии, Внутренней Африки, Занзибара, Синайского полуострова¹³. К этой группе примыкают ареалы, где не существует табу на употребление собачьего мяса в пищу. Некоторые народы, живущие здесь, специально разводят мясные породы собак. Таковы некоторые племена Африки (азанде, митту и др.), а также племена, обитающие на Гаити, Гавайских островах, на Суматре (батаки) и др. Кулинарные рецепты некоторых племен требуют даже, чтобы животных предварительно замучили до смерти, ибо считается, что мясо в таком случае будет вкуснее¹⁴.

Существует и еще одна, третья группа традиций, в соответствии с которыми собака рассматривается как исключительно *полезное* домашнее животное, заслуживающее — прежде всего в сельской местности — самого высокого уважения именно в этом качестве. Такова, например, армянская традиция. Ни о каком равенстве собаки с человеком нет и речи, но в голодные неурожайные годы собак и детей кормили примерно одинаково, отдавая им последнее. О собаках слагают песни ашуги, бросить камнем в собаку считается серьезным проступком. Больше всего в собаке ценятся ее нужные человеку качества. Поэтому, естественно, хорошая собака — это собака служебной породы. Ср. пословицу: «Если уж быть собакой, то волкодавом!» или отзыв о собаке, исходящий от армянина: «Хоть в царские чертоги посади его (пса.— В. Ж.), корми каждый день курами да куропатками, все равно не удержишь.— И добавил:— Вот что значит собака. Она — вся преданность. Это тебе не женщина...» (Исаакян А. Рассказ «Трубка терпения»). В последнее время и в Армении появились декоративные породы собак, но их разведение все еще рассматривается как причуда. Приблизительно такое же отношение к собаке наблюдается и в других кавказских этнических традициях, например в Азербайджане. Болгарскую традицию, вероятно, можно рассматривать как переходную. С одной стороны, там возможно разведение декоративных породистых собак, с другой — предпочтение явно отдается полезным собакам-сторожам и пастухам. Прогуливать собак по улицам города в Болгарии стали только в последнее время.

В принципе этнических традиций, в которых отношение к собаке было бы безоговорочно положительным или отрицательным, по-видимому, не так много. В большинстве случаев собака воспринимается носителями каждой традиции более или менее амбивалентно. Это хорошо видно у русских. На протяжении многих столетий собака на Руси была символом юродства и отчуждения. Одним из самых унижительных наказаний счита-

¹¹ Акимушкин И. Жизнь животных. Рассказы о домашних животных. М.: Молодая гвардия, 1981, с. 50—51.

¹² Bauer H. Op. cit., S. 123.

¹³ Ibid., S. 134.

¹⁴ Ibid., S. 116—117, 120, 123.

лось избиеение дохлой собакой¹⁵. Физический контакт с собакой может вызвать чувство брезгливости. Ср.: «Легче было бы спать не в духоте, на перинах, а на воздухе, под навесом амбаров. Но Настасья Петровна боялась: — Подойдут собаки и голову нанохают...» (*Бунин И. А. Деревня*). Попытки русских помещиков заставлять крепостных крестьянок вскармливать молоком породистых щенят рассматривались как самое дикое самодурство, как предел издевательства. Существует предположение, что самое грубое русское ругательство («мат») тоже первоначально было связано с наименованием собаки и могло означать примерно: «Твой отец — пес!», т. е. что-то вроде — «Ты — сын пса!»¹⁶ Ср. также:

И молвил так царь: «Да, боярин твой прав,
И нет уж мне жизни отрадной,
Кровь добрых и сильных ногами поправ,
Я пес недостойный и смрадный».

(Толстой А. К. Василий Шибанов)

Собака в народном сознании могла успешно конкурировать с чертом. Ср.: «Черт с ним!» — «Пес с ним!», «Черт его знает!» — «Пес его знает!» и даже «Ну его к чертям собачьим!».

Но одновременно собака в России ценилась очень высоко за свои полезные качества, в первую очередь охотничьи и сторожевые. К XIX в. укрепились и чувство этической близости человека и собаки. Ср.: «Нас двое в комнате: собака моя и я. (...) Я понимаю, что в это мгновение и в ней, и во мне живет одно и то же чувство, что между нами нет никакой разницы. Мы тождественны; в каждом из нас горит и светится тот же трепетный огонек» (*Тургенев И. С. Собака*). В комическом ключе, но, по существу, о том же говорит герой А. Н. Островского: «Лучшего друга, ма тант... Где пистолеты? (...) Нет, застрелюсь, застрелюсь! (...) Близ города, среди бела дня, лучшего друга... Тамерлана (кличка охотничьей собаки.—В. Ж.)... Волки съели!» («Волки и овцы»). Такой тирады ни в какой ситуации не мог бы произнести, например, монгол, который отверг бы возможность любой дискуссии на тему — «Собака — друг человека».

Амбивалентное отношение к собаке можно проследить в разные эпохи и в других традициях. Вот несколько исторических примеров. Об ассирийском царе Санхерибе (ок. 700 г. до н. э.) в современном ему тексте говорится, что он был «так тщательно воспитан, как молодой пес», из чего можно было бы, казалось, судить о высоком статусе собаки в Ассирии. Однако тот же самый Санхериб не нашел унижения тяжелее для побежденного арабского султана Унити, чем надеть на него собачий ошейник¹⁷. В «Одиссее» есть несколько прочувствованных строк о верных псах. Но из того же источника явствует, что слово «собака» могло служить у древних греков оскорблением: Пенелопа называет свою служанку «дерзкой сукой». Даже происхождение собаки древние греки связывали с Кербером, страшным псом-сторожем адских врат. Ср. подобные же примеры из поэзии Катулла:

...Чтобы вот этот твой кобель потрепанный
За сотней сотню расточал и тысячи?

(Пер. Анта С.)

... Как узнать ее, спросите? — По смеху
Балаганному, по улыбке сучьей. (...)
... Если краски стыдливого румянца
На собачьей не выдавите морде,
Закричите еще раз, втрое громче:...

(Пер. Пиотровского А.)

¹⁵ Лихачев Д. С., Панченко А. М. Смеховой мир Древней Руси. Л.: Наука, 1976, с. 153.

¹⁶ Isačenko A. V. Un juron Russe du XVIe siècle. *Lingua viget/Commentationes slavicae in honorem. V. Kiparsky*. Helsinki, 1964, p. 68—70.

¹⁷ Bauer H. Op. cit., S. 36.

Необходимо отметить, что использование названий собаки в качестве бранной лексики — излюбленный вокативный прием почти в любой этнической традиции. Как известно, метафорический перенос названия животного на человека может осуществляться или с целью выражения дружественных отношений, как знак расположения (ср. рус.: «Сокол ты мой ясный!»), или как намеренное оскорбление (рус.: «Змея ты подколотная!»). Число подобных инвективных зоовокативов достаточно велико. В англоязычных традициях исследователи насчитывают их более восьми десятков¹⁸. Вряд ли это число меньше в других регионах. Нетрудно установить, что в списке зоовокативов собаке принадлежит одно из важнейших мест. Языков, совсем не употребляющих название собаки в качестве инвективы, очень мало. Даже в японском языке, почти лишенном оскорбительного вокабуляра, существуют инвективы, означающие «собака» и «волк»¹⁹.

Однако обращает на себя внимание, что *оскорбительная сила* соответствующих инвектив носит выраженно национальный характер. В одних традициях — это очень резкое оскорбление, в других они давно превратились просто в своеобразные эмоциональные интенсификаторы разной степени вульгарности.

Очень резкий характер носят оскорбления, связанные с названием собаки, в кавказских культурах, причем мусульманские традиции мало отличаются в этом отношении от христианских. Ср. литературный пример — перебранку и перестрелку хевсура Алуды (христианская традиция) и кистина Муцара (кисти — грузинское название чеченцев и ингушей — носителей мусульманских традиций):

Грянуло ружье Муцара,
Открошился выступ скал. (...)
Крикнул кист: «Эй, пес неверный!
Так в тебя я не попал?» (...)
«Не попала, пес неверный?»,—
Крикнул кист. «Нет, не попала,
Пес неверный! И не ранен
Раб Гуданского креста!»

(*Важа-Пшавела*. Алуда Кеталаури. Пер. Державина В.)

Подобные оскорбления могут предполагать смертельный исход и внутри одной этнической традиции. Ср. разговор двух кистин:

Муса: Пока, добравшись до хевсура,
Мы не виним тебя всерьез,
Ты из-за этого гяура
Враждуешь с братьями, как пес.
Джохола: Что? Пес? В тебе ума хватило
Меня собакою назвать? —
И в грудь Мусы он что есть силы
Вонзил кинжал по рукоять.—
Вались, проклятый пес, в могилу,
Чтобы не лаяться опять!

(*Важа-Пшавела*. Гость и хозяин. Пер. Заболоцкого Н.)

В грузинской и армянской традициях исключительно грубо звучат инвективы типа: «Твой отец — собака!», потому что задевают честь не только того человека, к которому они обращены, но и всего его клана: имя отца как родового символа по-прежнему окружено там чрезвычайным почтением. В этом смысле аналогичное оскорбление «Твоя мать — сука!» воспринимается как значительно более слабое.

¹⁸ Оликова М. А. Обращение в современном английском языке. Львов: Вища школа, 1979, с. 79.

¹⁹ Suzuki T. Japanese and the Japanese. Words in Culture. Tokyo.-N. Y.-San Francisco: Kodasha Int. Ltd., 1978, p. 103.

В армянской традиции существует инвектива, означающая: «Ты вышел из ануса собаки!». Важно, что она воспринимается отнюдь не как пустая, бессмысленная, хотя и оскорбительная фраза. Наоборот, наблюдаются случаи, когда дети, рано услышавшие это ругательство, начинают верить, что и сами они появились на свет через анальное отверстие своей матери.

Достаточно оскорбительны соответствующие инвективы и в других ареалах. По-калмыцки «Собака!» звучит тоже очень резко. Сравнение с собакой — одно из самых оскорбительных у таджиков. Ненец может очень сильно задеть честь противника заявлением, что он «хуже, чем собака!». Особенности ненецкого языка не позволяют возникнуть инвективе типа «Сукин сын!», поэтому соответствующее оскорбление звучит как «Потомок собаки!». Известна грубая китайская инвектива, переводимая обычно как «Разобьем их собачьи головы!» (Более близкий к сути оскорбления перевод звучит приблизительно как «Разотрем в порошок головы этих псов!»).

Еще очень сильное в недавние времена ругательство во французском языке звучит в дословном переводе как «Святая собака!». В немецком языке популярна инвектива, означающая что-то вроде «Собака — отщепенец!», «Глупый пес!», «Кровавый пес!». Если учесть, что инвективная стратегия немцев зиждется прежде всего на скатологизмах, понятна сила инвективного сочетания, которое можно перевести как «Свинья собачья!». И поэтому человек, назвавший другого собакой или присоединивший к его имени прилагательное «собачий», может даже подвергнуться судебному преследованию. Характерно при этом, что даже сравнительно мягкие оскорбления этого типа, такие, как «Щенок!» (*Spitzbube*), адресованные, например, старику, могут восприниматься как исключительно резкие, так как намеренно снижают социальный и возрастной статус адресата.

Во многих странах инвектива «Сука!» приобрела дополнительный смысл «Проститутка!». Английский эквивалент этого слова долгое время считался наиболее грубым оскорблением женщины²⁰. В настоящее время резкость этой инвективы значительно снизилась. Англоязычный вариант инвективы «Сукин сын!» воспринимается как достаточно мягкий в американском и австралийском ареалах и довольно грубый — в Великобритании. Однако в том же самом ареале грубость соответствующей инвективы может очень сильно варьировать в зависимости от целого ряда обстоятельств. Американский негр может назвать свою жену ласково (в приблизительном переводе): «Ах ты, моя черная сучка!». Но белый назвать так свою жену-негритянку не может ни под каким видом, ибо это будет воспринято как тяжелейшее оскорбление²¹.

Другой социальный статус собаки приводит и к другому истолкованию истинного смысла инвективы. У народности ашанти (Гана) оскорбление «Собака!» вовсе лишено уничижительного значения, характерного для выщеперечисленных этнических традиций, но зато ассоциируется с бездомной, не имеющей хозяина собакой — парией, слоняющейся по африканской деревне.

В то же самое время в некоторых ареалах инвективы, связанные с названием собаки, воспринимаются как весьма мягкие. Таковы русское выражение «Сукин сын!» и польское, дословно переводимое как «Песья кровь!» (т. е. тот же «Сукин сын!»). Однако в русском употреблении «Собака!» сохраняет некоторую инвективную силу. Ср.: — Дай сюда вилы, собака, и отойди от греха. — Я не собака, а хрещеный человек. Вот отвезу — и отойду. И совсем уйду. (*Бунин И. А. Деревня*).

Представило бы значительный интерес выяснить, почему именно собака занимает одно из ведущих мест в списке инвективных зоовокативов в столь многих этнических традициях. Возможно, что ответ на этот во-

²⁰ *Grose F. A Classical Dictionary of the Vulgar Tongue*. L.: Routledge and Kegan Paul, 1963, p. 37.

²¹ Interview with R. Aman.— In: *Maledicta: The International Journal of Verbal Aggression*. Waukesha: Wis. USA, 1979, v. III, p. 22.

прос помог бы пролить свет на некоторые общие вопросы инвективной стратегии, которым в современной науке уделяется неоправданно мало внимания. Между тем самоочевидно, что понимание сущности вербальной агрессии, выяснение причин ее распространения и ее специфических национально-культурных особенностей оказалось бы полезным для этнографов, лингвистов, психологов, социологов и физиологов.

Наиболее естественно предположить, что высокая оскорбительная сила «собачьей инвективы» — следствие отрицательного отношения к собаке и приписывания негативных качеств собаки человеку. Однако такому, только на первый взгляд, очевидному выводу противоречит очень высокий статус собаки во многих ареалах земного шара. Странно, что качества животного, стоящего у многих народов выше всех других домашних животных, будучи приписаны человеку, кажутся ему оскорбительнее, чем, например, качества коровы или гуся. Такая стратегия тем более загадочна, если учитывать, что название собаки может применяться и чтобы похвалить человека. Ср.: «Как, бишь, того звали, что латинские вирши писал? Я грамоте разумею не сильно, а потому и не знаю: Гораций, что ли?» «Вишь, какой батько! — подумал про себя старший сын, Остап. — Все, старый собака, знает, а еще и прикидывается». (Гоголь Н. В. Тарас Бульба). Ср. также такие выражения: «Он предан мне, как собака», «я — твой верный пес», «псы господни» (название монашеского ордена), «государевы псы» (самоназвание опричников) и т. п.

Особенно важным представляется то обстоятельство, что не существует зависимости между резкостью «собачьей инвективы» и хорошим или плохим отношением к собаке в данной этнической традиции. В Индонезии, где в связи с сильным влиянием ислама собака считается нечистым животным, она не участвует в создании инвектив. В других же исламских странах (с арабским языком) «Собака!» — одно из самых сильных ругательств. Там оно настолько популярно, что возникло предположение, будто это ругательство пришло в Европу из арабских стран во времена Крестовых походов²². Однако это предположение маловероятно: использование наименования собаки как инвективы было бы невозможно без яркого эмоционального отношения к этому животному. Если бы во времена Крестовых походов отношение к собаке в Европе было глубоко безразличным, никакое иностранное влияние не проявилось бы в виде инвективы. А если такое эмоциональное отношение имело место, тогда необходимость в иностранном влиянии просто не было. Так или иначе, но в настоящее время в европейских странах, где сегодня отношение к собаке самое благосклонное, имеется множество соответствующих оскорблений.

Разгадка этой проблемы видится в том, что превращение того или иного понятия в сюжет оскорбления может вести происхождение из двух диаметрально противоположных источников: из восприятия этого понятия как сакрального и как профанного. Такой подход кажется тем более убедительным, если учитывать, что профанное восприятие понятия вполне может развиться из сакрального — достаточно вспомнить первоначальное и более позднее восприятие мифа о происхождении человека или целого племени от союза человека и собаки. В применении к исследуемой теме это означает, что и обожествление собаки, и резко негативное к ней отношение могут способствовать превращению ее названия в очень резкое оскорбление, сила которого прямо пропорциональна силе поклонения или презрения к ней. Если же отношение к собаке амбивалентно, то возможность возникновения соответствующих инвектив еще более вероятна и оправдана.

Рассмотрим подробнее оба источника инвективизации собаки. Понять, почему инвектива может родиться из негативных чувств, довольно легко. Правда, для представителей европейского ареала труднее представить себе собаку ненавидимым существом и согласиться, что ругательство «Собака!» происходит от отвращения, питаемого к «лучшему другу

²² Medina P. Französisch wie es nicht im Wörterbuch steht. Frankfurt a. M.: Verlag Scheffer H., 1961, S. 159.

человека». Легче представить в роли ненавидимого кого-нибудь из диких родичей собаки — волка, шакала, динго. Волки и динго — заклятые враги скотоводов, и неудивительно, например, что несмыслимое оскорбление для монголки — «Волчица!», а одно из самых сильных ругательств у белых австралийцев — «Эй ты, динго!». Показательно, что для австралийских аборигенов, не испытывающих от динго ущерба, это вполне приемлемое животное. Аборигены охотно отлавливают щенят динго и воспитывают их²³.

Однако необходимо признать, что сравнение с собакой считается оскорбительным еще и потому (именно потому!), что во многих традициях собака занимает особое, привилегированное положение среди домашних животных. Собака намного больше других животных связана с эмоциональным миром человека и, как уже было показано выше, эмоционально нередко воспринимается человеком как близкое ему существо, интеллектуально почти или совсем не уступающее своему хозяину. Ни одно другое животное, домашнее или тем более дикое, по своему статусу в человеческом обществе не в состоянии конкурировать с собакой.

Но в то же самое время в ряде аспектов поведение собаки — этого «почти человека» — находится в грубейшем противоречии с принятыми в человеческом обществе нормами. Собака известна своей агрессивностью, может нападать, даже не будучи на это спровоцированной, она не стыдится собственных отправлений и, что особенно существенно, абсолютно не способна соблюдать самое строгое человеческое табу — табу на открытое осуществление интимных отношений между полами. Подобное поведение со стороны «неочеловеченных» животных общество соглашается снисходительно терпеть; но собака в такой ситуации может вызвать резкое осуждение: «Кажется, все понимает, а тут ведет себя, как животное».

Особенно важно, что собака обладает такими благородными, с точки зрения человека, качествами, как преданность и способность к дружбе. В свете таких достоинств нарушение собакой *человеческих* табу кажется особенно постыдным: подразумевается, что тот, кто способен быть другом, должен быть этическим образцом и в других отношениях, и разочарование в этом случае бывает особенно сильным. Как видим, *осуждение* собаки в рассматриваемом случае свидетельствует об очень *высокой* оценке человеком этого животного.

Особую роль в превращении названия собаки в оскорбление может играть табуированность собаки как священного тотемного животного. Вполне вероятно, что наиболее сильные значения всех «собачьих» проклятий и оскорблений идут как раз от нарушения этого жесткого табу. Это естественно: сила кощунственного нарушения табу должна быть прямо пропорциональна силе самого табу. И наоборот, нарушение слабого табу не может восприниматься слишком остро и стать основанием для возникновения чрезмерно грубой инвективы не в состоянии. Несомненно, что для племени, считающего собаку своим предком, покровителем или родственником, сознательное профанирование священного символа считалось очень серьезным проступком, отчего оно и вызывало сильный шокирующий эффект. А сильный шокирующий эффект, как известно, и есть важнейший признак крепости инвективы.

Парадоксальным образом грубость инвективы здесь свидетельствует не только и даже не столько о пренебрежении социальными нормами, сколько о неосознаваемом глубоком пиетете перед поносимым понятием. Перед нами — превосходный пример того, как сакральная и профанная ипостаси одного и того же понятия сливаются в единое амбивалентное понятие.

Такому слиянию в нашем случае как нельзя более содействует то, что само слово «собака» стилистически немаркировано. Как отмечает А. А. Леонтьев, слова такого рода особенно легко могут реализовываться в речи в самых разных, зачастую противоположных смыслах. При этом

²³ Гржимек Б. Австралийские этюды. О животных и людях Пятого континента. М.: Мысль, 1974, с. 122.

образность слова тем сильнее, чем более «не по назначению оно используется»²⁴. Отсюда эмоциональная нейтральность «собаки» в тексте по собаководству, гораздо большая выразительность этого слова в комплиментарном смысле («Все, старый собака, знает!») и, наконец, резко грубый, шокирующе уничижительный смысл в составе оскорбления («Ах ты, грязная собака!»). В сознании говорящего имеются все функциональные признаки слова «собака», все дифференциальные черты, но в конкретном тексте, как правило, на первое место выступает та или другая черта²⁵.

Процесс образования амбивалентного понятия можно представить в виде цепочки последовательных превращений, в начале которой стоит понятие *святого*, непосредственно божественного; в процессе исторического развития святое превращается в *священное*, т. е. исключительное по важности; священное именно в силу своей исключительной важности объявляется *запретным*, неупоминаемым всуе; соблюдение правил запрета подразумевает попытки их нарушения и наказание за это, т. е. запретное приобретает свойства *опасного*; в процессе переосмысления древних культов, а также в процессе изменения самой сути понятия «опасного» это опасное начинает (или может начать) восприниматься как *нечистое*; нечистое же легко переходит в сознании в *непристойное*. Что очень существенно, в ходе такого превращения все звенья цепочки вполне могут сохранять свое значение, сохраняться в подсознании. Отсюда и проистекает амбивалентность восприятия, когда один и тот же человек в состоянии относиться к собаке сразу и как к священному животному, и как к нечистому существу, обладателю многих отвратительных качеств. Таким же образом объясняется и одинаковое отношение к крайностям типа «святой» и «непристойный» — в обоих случаях предписывается необходимость держаться от носителей этих эпитетов подальше, хотя внешние мотивы такого отношения могут выглядеть противоположным образом.

С другой стороны, если два явления, во-первых, противоположны, а во-вторых, вызывают одинаковую реакцию (например, воздерживаться от контакта), это заставляет предположить, что противоположный характер скорее связывает эти явления, чем их разъединяет.

В интересующем нас плане из сказанного можно сделать вывод, что одна и та же инвектива может возникнуть из двух кажущихся противоположными мотивов: и потому, что собака — это плохое животное, и потому, что собака — это почти человек или даже лучше его.

Есть основания считать, что в случаях с другими вербальными оскорблениями в большинстве случаев дело обстоит приблизительно таким же образом, т. е. принципы возникновения инвектив во всех или в большинстве случаев напоминают те, что привели к превращению названия «собаки» в оскорбление.

²⁴ Леонтьев А. А. Понятия «стиль речи» и «стиль языка» в ряду других понятий лингвистики речи.— В кн.: Сборник научных трудов МГПИИЯ им. М. Горького. В. 73. М.: 1973, с. 49.

²⁵ Там же, с. 50.